

Вл. С. СОЛОВЬЕВ

<Автобиографическое>

<...> Отец наш, хотя не занимался прямо нашим воспитанием, оказывал на нас самое благотворное влияние. Помимо того значения, которое имел в семье человек нравственного авторитета и всецело преданный умственному труду и идейным интересам, кроме этого отец, не вмешиваясь в нашу тогдашнюю детскую жизнь, умел в самые важные моменты, по крайней мере моего духовного развития, оказать на него наилучшее действие. Так, когда в детстве мной овладело крайнее религиозное возбуждение, так что я не только решил идти в монахи, но, ввиду возможности скорого пришествия антихриста, я, чтобы приучиться заранее к мучителям за веру, стал подвергать себя всяким самоистязаниям, отец — сам человек глубоко религиозный, но чуждый исключительности, подарил мне в день именин, вместе с житиями святых, «Олимп», книгу доктора Петискуса, обильно украшенную изображениями греческих богов и богинь. Эти светлые образы сразу пленили мое воображение, *расширили и смягчили мою религиозность.*

<...> Благодаря отцу, детские книги по естественным наукам составили также важный элемент моего раннего чтения и не остались без влияния на мое дальнейшее умственное развитие. Особенно помню я одну книжку под названием «Космос» (не Гумбольдта, конечно) с раскрашенными картинками разных допотопных животных. И доселе понятие космогонического процесса связано в моем воображении с представлением каких-то земных чудовищ.

Общественная среда нашей семьи была весьма блестяща в образовательном отношении и, без сомнения, оказала косвенное влияние на мое духовное развитие. Между ближайшими друзьями моего отца, собиравшимися у нас еженедельно, были

самые знаменитые московские ученые и литераторы того времени.

<...> Самостоятельное умственное развитие началось у меня с появления религиозного скептицизма на тринадцатом году жизни. Ход моих мыслей в этом направлении был совершенно последователен, и в четыре года я пережил один за другим все фазисы отрицательного движения европейской мысли за последние четыре века. От сомнения в необходимости религиозности внешней, от иконоборства, я перешел к рационализму, к неверию в чудо и в божественность Христа, стал деистом, потом пантеистом, потом атеистом и материалистом. На каждой из этих ступеней я останавливался с увлечением и фанатизмом. Так, в эпоху своего протестантизма я не ограничивался охлаждением к церковному богослужению, к которому прежде имел страсть, но предался практическому иконоборству и выбросил за окно и в помойную яму некоторые иконы, бывшие в моей комнате. Когда я додумался до того, что Бога вовсе нет, а есть только материя, я с таким жаром проповедовал эту новую веру одному своему приятелю¹, что он, вместо всяких возражений заметил: «Я удивляюсь только одному: почему ты не молишься этой своей материи?» Мой отец, хорошо видевший, что происходит в моей голове, воздерживался от прямого противодействия, но косвенным образом старался показать мне, что смотрит на мое неверие как на болезнь, очень огорчен ею, но уверен, что я в конце концов должен выздороветь. Такое отношение со стороны человека с умственным и нравственным авторитетом было, конечно, наилучшее, во всяком случае оно произвело большее действие на мой упрямый и самоуверенный ум, нежели прямые аргументы, на которые я всегда нашел бы что возразить, тогда как теперь мне оставалось только говорить себе, что я умнее, развитее и проникательнее моего отца, что я, конечно, с полной уверенностью и спокойной совестью говорить себе не мог. Поэтому я старался вовсе не ставить этого вопроса, который оставался в глубине моей души ввиду какой-то неловкости, усиливавшейся, когда я замечал в отце признаки скрытого огорчения. Неверие мое возникло самостоятельно, не только вопреки настроению семьи, но и против многих моих близких друзей, с которыми я постоянно спорил. Но затем, в старших классах гимназии, мой отрицательный образ мыслей стал находить себе пищу в чтении и в разговорах с двумя-тремя товарищами нигилистического направления. Из книг всего более подтверждения своим мыслям нашел я в огромном, восемнадцатитомном сочинении бельгийского профессора Laurent

«Etudes sur l'histoire de l'humanité»², особенно в том томе, который называется «La philosophie du XVIII-e siècle et le christianisme»³. Книги эти лежали в кабинете моего отца, я читал их тихонько от него, главным образом летом на даче, в то время, когда он уезжал в Москву для своих архивных занятий. Книга Ренана «Vie de Jésus»⁴ произвела во мне разочарование, частью потому, что я страстно жаждал прочесть ее и достал с величайшими затруднениями и пожертвованиями, а частью, может быть, благодаря отсутствию настоящей серьезности в отношении к религиозным предметам во всем мирозерцании этого писателя. Мой отец, узнав с каким трудом и за какие деньги достал я Ренана, пожал плечами и сказал: «Вот нашел с кем возиться. Уж лучше бы ты прочел Сальвадора⁵, если хочешь что-нибудь сильное по этой части, а у Ренана не только мысли, но и цитаты все фальшивые.

Еще менее благоприятное впечатление произвели на меня домашние наши отрицатели, из которых в особенности Писаревым увлекался мой старший товарищ.

Я поступил в университет с вполне определившимся отрицательным отношением к религии и с потребностью нового положительного созерцания для ума. В естественных науках, которым я думал себя посвятить, меня интересовали не специальные подробности, а философская сторона естествознания. Поэтому я серьезно занялся только двумя естественными науками: морфологией растений и сравнительной анатомией. Ища философию в естественных науках, естественно было обратиться к самой философии. Интерес к ней был во мне раздражен, но не удовлетворен известной книгой Льюиса⁶. Вслед за ней я прочел Куно Фишера, «Этику» Спинозы, «Логику» Гегеля и главные сочинения Фейербаха. Материализм, до которого я своим умом додумался прежде, принял теперь более утонченный, идеалистический характер под влиянием спинозизма и гегельянства...

